

Альберт ЛИХАНОВ

ОБМАН

Альберт Лиханов

Обман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139033

*Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2 / Комментар. И. Мотяшова.: Мол.
гвардия; М.; 1986*

Аннотация

Перед героем повести Сережей Воробьевым поставлен один из вечных людских вопросов – о совести. Правда и обман, доброта и корысть соседствуют в мире взрослых. Сможет ли Сережа выбраться из грязи, в которую угодил?

Об ошибках (опечатках) в книге можно сообщить по адресу <http://www.fictionbook.org/forum/viewtopic.php?t=3102>. Ошибки будут исправлены и обновленный вариант появится в библиотеках.

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	7
3	10
4	14
5	17
6	22
7	28
8	35
9	39
10	42
11	47
12	52
Часть вторая	54
1	54
2	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Альберт Лиханов

Обман

Часть первая

Оранжевый самолет

1

Оркестр заиграл туш, духовики из музыкального кружка весело раздували розовые щеки. Кто-то ткнул Сережку в бок, кто-то шлепнул по плечу – он покрылся испариной, только кончик носа почему-то мерз, – вскочил, отбросил со лба светлую челку и побежал к сцене.

Сережка бежал вдоль рядов, и на него все смотрели. И от музыки, играющей в честь его, и от аплодисментов, и от яркого сияния многоярусной люстры он как бы потерял себя, не чувствуя ни рук, ни ног, ни тела. Он словно летел туда, к сцене, и полет этот был бесконечным, медленным, тягучим...

Потом он оказался в слепящем свете рампы. Растерянно топтался на виду у всех. Со страхом, как в пропасть, смотрел в зал, шевелящийся и возбужденный. Оборачивался на

президиум, в котором о чем-то шептались.

– Главный приз, – наконец сказал конопатый судья, – вручается Сергею Воробьеву, установившему абсолютный рекорд. Его модель самолета с бензиновым моторчиком, подхваченная воздушными потоками, пролетела сто девятнадцать километров! Приз и ценный подарок – именные часы вручает Герой Советского Союза, пилот первого класса Юрий Петрович Доронин.

Аплодисменты загрохотали, как канонада, высокий, толстоносый Доронин протянул Сереже широкую и грубую ладонь, сказал в шуме: «Поздравляю» – и начал давать ему одну за одной кучу грамот – за первое место среди юношей, среди взрослых, от комсомола, за абсолютный рекорд и еще, еще какие-то, и с каждой грамотой в зале нарастал добродушный смешок, а когда Герой положил прямо в блестящий кубок коробочку с часами, потому что руки у Сережи уже были заняты многими наградами, зал захохотал.

Доронин поднял руку, и стало тихо.

Так тихо, что Сережа слышал тоненький звон висюлек в многоярусной, похожей на пирожное люстре.

– Ребята! – сказал летчик. – Это знаменитый самолет! – Он поднял вверх оранжевую модель с перебитым крылом, Сережину победу, абсолютный рекорд. – Его нашли колхозники в лесу за много километров от старта. – Он повернулся к Сереже. – Мне сказали, что Сергей Воробьев мечтает стать летчиком. Я уверен, он станет им, потому что во всяком

стремлении должны быть вера и воля. Сегодня мы празднуем первую Сережину победу. Придет время, и у него и у вас будут победы поважнее. Стремитесь же к ним!

Сережа бежал обратно, и снова грохали аплодисменты, отмечая самый радостный день в его жизни.

Голова немножко кружилась.

Слава! Фу ты, он ее и не ждал. И не готовился вовсе – она обрушилась, как шквал, как ураган, как ливень.

Впрочем, какая это слава? Случайность! Выигрыш по лотерее! Ведь любую модель могли подхватить эти невидимые, стремительные восходящие потоки, прилепить потом, как марку к открытке, к густому, кудреватому облаку с золотистыми краями! И привет горячий! Не страшно, что кончится горючее, что остановится мотор... В общем, просто выигрыш – слава бывает не такой, слава – это же когда ты сам, сам что-то делаешь... Вот если бы быть там, в модели, если бы управлять ею хотя бы с земли, по радио, тогда другой разговор. А тут... Крутанули колесо, развернули билетик – вам, гражданин, часы, и кубок, и стопка грамот.

– По-моему, ты уже зазнался, – говорит Галка Васина, Васька попросту, – уже рисуешься!

Она идет в метре от Сережи – он ее всю разглядеть может; черная коса на плече лежит, а когда Васька поворачивается, глаза ее – два черных выстрела.

– Слово самурая! – смеется Сережа. – Знаешь, на каждую модель мы наклеиваем табличку: при нахождении просим вернуть туда-то и туда-то, но, клянусь, никто не думает, что наклейка пригодится.

– А все-таки приклеиваете? – не верит она.

– По правилам так положено! – говорит Сережа.

Он разглядывает удивленно свой оранжевый самолет, отмочивший такой номер, и сам себе не верит.

Когда модель ушла под облако, как водится, стартовал спортивный самолет. Он должен был преследовать ее и преследовал, пока, делая какой-то маневр, не потерял из виду. Сережа жутко расстроился – ведь он выбыл из соревнований, но через неделю оранжевую модель привез шофер грузовушки. Он сказал, что модель ему дали в сельсовете, и назвал село. Сто девятнадцать километров!

И вот теперь Сережа нес свою птицу с переломанным крылом, разглядывал ее удивленно.

– Вот Доронин! – говорит Сережа восхищенно. – Это да! Человек! Вражеский самолет таранил.

– И все-таки у твоего Доронина, – спорит Васька, – славы меньше, чем у той же Дорониной, у артистки. – Она улыбается. – Ты прямо смешной! Времена другие!

Другие, соглашается про себя Сережа. Ведь этот герой Доронин теперь на «кукурузнике» летает, на четырехкрыл ой этажерке. А когда-то немцев таранил! Но с Васькой он спорит:

– Допустим! Все, допустим, относительно! Но тогда нельзя так спорить! Ведь в ответ я скажу, что твою Доронину не сравнить с Гагариным.

– К старости, – Галины глаза рассматривают Сережу, – ты,

наверное, станешь жутким сухарем, – она машет ладонью, – и уж, конечно, будешь технарем!

– Буду, – смеется Сережа, – для авиации гуманитарного образования маловато.

Он кивает Ваське и бежит к дому.

Сережа вшагивает в комнату, и его сразу оглушает самодельная музыка:

– Труу-ру-ру-ру-ру! Ру-ру-ру-ру! Труу-руу-у-у-у!

Мама трубит в свернутый журнал. Олег Андреевич играет на расческе, тетя Нина стучит ложками по блюду.

Сережу слепит крахмальная скатерть, золотистая пробка на толстой бутылки.

– Итак, – говорит Олег Андреевич, – торжественный банкет считаю открытым!

Он в милицейском мундире, на погонах – майорские звезды.

Сережа кладет на пол свою замечательную модель, гости разглядывают грамоты, часы, кубок.

– За удачу, – говорит Олег Андреевич. – За чемпиона!

Пробка жахает в потолок, шампанское гибкой струей выливается из горлышка.

Сереже наливают тоже – самую капельку на дне. Сережа смакует сладкую шипящую водицу, похожую на компот, крутит завод у первых своих часов, надевает на руку, сверяет время у Олега Андреевича, радио включает – пора.

Все никак не может наудивляться Сережа этим чудесам.

Вот мама возле него сидит, с тетей Ниной разговаривает, улыбается, папироску размягчает, в пальцах вертит – и в эту

же минуту по радио говорит. Про колхозы, как там хлеб сеют и кто впереди; про заводы, какие у кого дела; или рассказ какой-нибудь под музыку.

Сереже больше всего нравятся рассказы или стихи. Их мама читает как-то особенно. Неторопливо, плавно так. Словно артистка.

Лично он, Сережа, разницы между мамой и артисткой совершенно не видит. Артистка только на сцене выступает, а мама – по радио. Но чем диктор хуже артистки? Ничем. Вон летом, когда мама в отпуск уходит, вместо нее артистки разные работают. Подзарабатывают, мама говорит. Так у них в сто раз хуже получается. Про картошку, например, говорят и уж так декламируют, будто из самодеятельности только что выскочили. И голоса-то скрипучие, угловатые, немягкие какие-то.

То ли дело у мамы. Вот разговаривают они тут, дома, с тетей Ниной, и голос у нее хрипловатый, даже грубый. А по радио совсем иначе звучит. Красиво, сильно. Тетя Нина говорит – контрастно.

Тетя Нина вообще про маму хорошо говорит. Что она настоящий талант. Что ничем она не хуже московских дикторов. Что, живи бы мама в Москве, она бы там давно заслуженной артисткой стала. Дают же дикторам такие звания.

Мама на тетю Нину машет рукой.

– С такой-то харей! – говорит.

Мама вообще говорит грубо. Грубые словечки выбирает

зачем-то. Это ей не идет, она совсем другая. Она, когда с Сережей одна остается, совсем другие слова выбирает. Добрые и ласковые.

– При чем тут лицо?! – возмущается тетя Нина. – Знаешь поговорку: по одежке встречают, по уму провожают?

– Какой у меня ум?! – не соглашается мама.

– У тебя поважней красоты и ума. У тебя талантливый голос. Такое на дороге не валяется.

Сережа вскакивает, тянется к динамику, вкручивает его на полную громкость. Мельком видит себя в зеркале, видит, как блестят, как светятся радостью глаза: он тетю Нину хочет поддержать, хочет показать, какая талантливая мама.

Он улыбается гостям и говорит:

– Давайте послушаем, мама читает.

Сережа ждет, что мама скажет что-нибудь грубо, как-нибудь нехорошо про себя пошутит, но она молчит, только недоверчиво ухмыляется. А по радио говорит про колхозников, про то, как они убирают картошку. Из-за маминого голоса выплывает музыка. Сначала гармошка играет тихо, потом громко и опять потише. В динамике что-то щелкает. Улыбаясь, Сережа смотрит на Олега Андреевича и на тетю Нину. Сейчас они будут хвалить маму. Но они молчат.

– А ты говоришь – талант! – смеется мама. – Все мы тут таланты. – И вдруг взрывается, вскакивает даже. – Да разве можно эту мазню талантливо прочитать? Что там сделаешь? Ну ответь, ты же понимаешь!

Мама кричит на тетю Нину, словно в чем-то ее обвиняет, а Сережа растерянно хлопает глазами – ведь он хотел как лучше.

– Но, Аня, – рассудительно отвечает тетя Нина, – ты знаешь лучше меня: талантливую вещь прочесть талантливому диктору легко – разве не правда? И ведь куда сложнее талантливо прочесть бездарную писанину! Халтуру какую-нибудь! Обязаловку!

Мама курит папиросу, думает о чем-то сосредоточенно, потом говорит:

– Ладно, выпьем!

Она разливает вино по рюмкам, поднимает свою, говорит Олегу Андреевичу:

– Можно, я тост скажу?

– Можно! – смеется Олег Андреевич.

– Тост у меня только свой будет, бабий, не обижайся, – говорит мама, – но он и вас, мужиков, касается, потому что куда мы без вас-то, одни...

Она молчит минутку, Сережа смотрит на маму с удивлением и улыбкой: что она скажет, интересно? Про себя? Про талант? Про тетю Нину?

– Ну так вот, – говорит мама, глядя на тетю Нину. – Выпить нам надо с тобой не за талант, не за красоту, не за ум. А за бабье счастье, понимаешь? За тебя, Нинка, потому что счастье это у тебя есть. И за меня, потому что у меня его нет... Но будет!

Сережа понимает, что мама немного опьянела, он принимается пристально глядеть на нее – чтобы она заметила его взгляд, чтобы поняла, сдержалась... Мама всегда его понимала без слов. Но теперь она не замечает Сережу.

– Ничего нам не надо, Нина, кроме дома, кроме мужа и

детей.

В глазах у мамы блеснут слезы, Сережа не выдерживает, подходит к ней, обнимает сзади за плечи.

Мама вздрагивает, смахивает слезы, берет Сережу за руку, притягивает к себе, заглядывает ему в глаза.

– Открою я тебе секрет, Сергунька, – говорит мама и просит вдруг: – Пойми, если сможешь.

– Ну что ты, мам, что ты, – бунчит Сережа, думая, что это из-за вина она прийти в себя не может.

– Не говорила долго, боялась сказать, да и еще не сказала, может быть, но вот Нина здесь, Олег Андреевич, не так страшно... – И вдруг словно ударила: – Замуж я выйду скоро, Сергунька.

– За кого? – спрашивает он машинально.

– За Никодима, – говорит мама и поправляется: – За Никодима Михайловича. Приезжает он.

– Закончил курсы? – спрашивает тетя Нина.

– Закончил, – говорит мама. – На днях приезжает.

Будто торопясь, Олег Андреевич наливает вино в рюмки, поднимает свою.

– Ну, так за вас, Анна Петровна, – говорит он.

– За тебя, Аннушка. – Тетя Нина вскакивает со стула, подходит к маме, обнимает ее, и обе они плачут.

Скрипит дверь, в щель сперва вкатывается голубой грузовичок, потом просовывается красная сандалия, а затем появляется весь Котька, тети Нинин сын.

– Папа, – говорит он Олегу Андреевичу без всяких предисловий, – а кораблям очень опасно северное море, там снайперы.

– Что, что? – смеется Олег Андреевич.

– Такие ледяные горы.

– Айсберги?

– Ну да, снайберги.

Все смеются.

Сережа улыбается тоже.

Потом берет чайник и выходит на кухню.

Из кухни дверь ведет на улицу.

На двери с тугой пружиной висит объявление, намертво приклеенное соседкой. Сережа знает его на память:

«Прозьба ко всем гражданам когда ходите двери задерживайте не хропайте а то у меня голова разламывается и мозги вылетят».

Он идет по двору, не замечая ничего вокруг, и в такт шагам повторяет про себя объявление – со всеми ошибками:

«Прозь-ба ко всем граж-да-нам... а то у ме-ня го-лова раз-ла-мы-ва-ет-ся... моз-ги вы-ле-тят».

Слова тупыми ударами отдаются в висках...

Когда не знаешь, куда идти, ноги сами тебя принесут.

Неподалеку от дома гастроном, а во дворе его высятся штабеля фанерных ящиков. Сережа приходил сюда однажды, искал материал для моделей: планки от ящиков очень ему подходили.

Ящики поставлены друг на друга в высокие стены, и кое-где между ними есть узкие коридоры. Взрослый не пробежится, а мальчишка пройдет.

Сережка протискивается боком по коридору, отыскивает место пошире, усаживается неудобно на узенький край ящика. Откидывает голову, вверх смотрит.

Над щелью среди ящиков небо виднеется. Густая синева. По нему облака тянутся – легкие, как дымок. Перистые. По географии проходили.

Сережа глядит на небо, думает про облака. Но размышляет про облака будто и не он вовсе, а кто-то другой. Тоже Сережа, но другой Сережа. Настоящий же молчит. Настоящий словно замер и ни о чем думать не хочет, хотя думать надо, надо.

Один Сережа вверх глядит, в щель среди ящиков, на небо. Другой Сережа в землю взглядом уперся, и все в нем болит. Все частички его.

Никодим! Зря поправилась мама: не Никодим Михайло-

вич он, Никодим просто. По отчеству ведь человека зовут, когда уважают его. А Никодима Сережа так и зовет – по имени только. Про себя, конечно. Но главное ведь, как про себя человека зовешь.

Может быть, зря Сережа к нему так относится. Может быть, он вовсе не плохой человек – Сережа его один раз только видел, разве скажешь что-нибудь серьезное о человеке с первого взгляда, да еще о взрослом. И может, неплохо отнесся бы к нему Сережа, если бы не мама.

Она после той встречи, после того раза, когда Никодим к ним в гости приходил и с Сережей познакомился, его фотокарточку в уголок зеркала вставила.

Тогда Сережа все понял. Тогда он сказал маме:

– Зачем нам этот Никодим?

Мама поглядела на Сережу виновато, подошла к нему, взяла за плечи, взглянула в глаза и ответила, как взрослому:

– Должен же у тебя быть отец!

– Ты что! – крикнул тогда Сережа оторопело. – С ума сошла! У меня есть отец!

Отец! Вот был бы он жив!

Отец Сереже часто снится. То в гермошлеме и высотном летчицком костюме с гофрированными рукавами, похожий на космонавта, – картинку, где нарисованы такие летчики, Сережа из «Огонька» вырезал и над своей раскладушкой повесил. То просто за столом, в белой рубашке, улыбается во весь рот, как Чкалов. Такой портрет тоже над кроватью у Се-

режи есть. А то будто Юрий Гагарин – люди его на руках подбрасывают, и отец в летчицком кителе с майорскими погонами фуражку с кокардой одной рукой придерживает, чтобы не упала.

Отец улыбается, что-то говорит беззвучно или просто молчит, и Сережа заметил: если отец приснился, значит, ему повезет. В школе или в кружке. Или просто будет хорошее настроение.

Одно только странно – отец ему всегда разный снится. С разными лицами. Но и к этому Сережа привык. Он просто знает: если снится летчик, значит, это отец. И неважно, какое у него лицо. Это объясняется просто. Сережа своего отца никогда не видел. Отец его погиб, когда Сережа еще не родился.

Он был летчиком-испытателем. Они жили в маленьком городке тогда. В поселке даже. Поселок был от авиазавода. И отец обкатывал военные истребители.

Однажды он ушел на работу, поцеловал маму на прощанье, помахал ей рукой, как всегда. И мама, как всегда, села у окна смотреть на летающие самолеты. Ей казалось, что на всех самолетах летит отец. В тот день летали три самолета. Они были похожи на треугольники с маленькими хвостами. Летающая геометрия. Или что-то вроде морских скагов. Мама смотрела, как треугольники измеряют небо. Потом один из них пошел на снижение. Как-то очень резко пошел. И упал на землю. Мама говорила, что небо вдруг стало

красным. Кровавым.

Она уехала, в чем была, не собрав даже чемодана, – села на станции в проходящий поезд. После поезда мама ехала на лошадях в бабушкину деревню, и едва добралась до порога, как родился он, Сережа.

Сережа родился раньше срока на целых два месяца, он должен был умереть вслед за отцом. Но мама и бабушка спасли его.

Сережу всегда смешил этот мамин рассказ. Как они спасали его. Забавно очень спасали. В русской печке. Подтапливали ее слегка и клали Сережу в нее. Так он в печке и жил два месяца.

А отца он не видел. И отец не видел его. Сережина жизнь началась после того, как кончилась жизнь отца.

Вот почему снился ему отец с разными лицами...

Сережа смотрит вверх. Он не раз замечал: солнце ушло за горизонт, на улице уже сумерки, а небо еще совсем дневное, и облака на нем горят дневным сиянием. Небо и облака темнеют позже земли.

Земля загородила собой солнце, но не навсегда.

Завтра придет утро, и снова станет светло.

Сережа вдыхает в себя прохладный воздух. Обида угасает, как вечер.

Он берет чайник и встает.

Надо идти. Домой, к маме. Он представил, как мама бежит по улице, спрашивая знакомых мальчишек, не видели ли

они Сережу, и по спине между лопаток заструился холодок. Он представил себе ее курносое, почти безбровое лицо, будто выгоревшее на солнце, — представил, как округлились от испуга ее глаза. Если бы кто знал, как любила его мама. И как любил ее он. Вот без отца он живет — это возможно, хотя и горько, но без мамы представить себя нельзя. Без мамы он жить не мог бы!

Сережа бросается назад, по узкому проходу среди штабелей фанерных ящиков, и вдруг ощущает боль. Острый гвоздик, торчащий из ящика, рассек кожу на запястье, и боль вернула его к настоящему.

Никодим!

Никодим будто напомнил о себе этим гвоздиком.

Мама дома, моет посуду в тазу, наклонив слегка голову и прищулив один глаз, чтоб не щипал дым от папироски.

Когда Сережа входит, она глядит на него широко раскрытыми глазами, молчит, потом медленно произносит:

– Я думала, ты поймешь...

Сережа не отвечает.

Он раздевается, ложится на свою раскладушку у стены, лижет кровь из ранки, смотрит на карточку Никодима.

Бывают же такие лица – сказать нечего. Глазки маленькие, серые, волосы какие-то сивые, жидкие, зачесаны назад. Уши торчком – два лопуха. И чего только мама нашла в нем?!

Сережа отворачивается от зеркала, разглядывает вырезки на своей стене.

Летчики в высотных костюмах, Гагарин, Чкалов. Все вместе – для Сережи отец.

Обида распирает грудь. «Как же так? – думает он. – Всю жизнь мама говорила про отца, всю жизнь повторяет, как он погиб, и Сережа эту картину представляет теперь словно живую, словно это он там был, – и вдруг Никодим! Эх, мама!»

Сережа смотрит на картинки. Это же мама на него всегда влияла! Это же из-за нее он картинки эти на стену наклеил и твердо решил летчиком стать. Как отец. И в авиамодельный кружок тоже из-за мамы записался. Вот освоит он сперва там

все премудрости, потом в школу планеристов пойдет, без отрыва от учебы, конечно, а там и на летчика выучится. После – в летное училище поступит. Или в авиационный институт. Тут еще подумать надо, потому что летать и без училища научиться можно, в школе ДОСААФ, а конструирование его очень увлекает.

Сидишь в кружке – тишина. Бамбуковую основу над спиртовкой гнешь или крылья тончайшей бумагой обклеиваешь. Запах казеинового клея совсем особенный, на другие непохожий: этот клей авиацией пахнет.

Сережа поглядывает на оранжевый самолет, который лежит на полу – изуродованный, но героический, усмехается, говорит ему про себя: «Ну, брат, не ожидал от тебя, не ожидал». А сам думает про новую модель, тоже с бензинкой, но другой конструкции – посложней. Он решил его с Робертом сделать – старостой кружка: одному будет трудно.

Хлопает дверь.

– Не спишь? – спрашивает мама, подсаживаясь к нему на раскладушку.

Он подвигается не отвечая. Мама тоже молчит. Смотрит на Сережу, о чем-то думает про себя сосредоточенно, потом поднимается, снимает с гвоздика гитару, садится опять.

Сережа разглядывает внимательно мамину кровать с блестящими шариками на спинке, обшарпанный шкаф, который протяжно скрипит, когда его открываешь, стол возле стенки – одна ножка хромает, бумагу под нее скручивают, когда

редкие гости приходят. А без гостей и так хорошо.

Бабушка, когда приезжала, ворчала на маму:

– У тебя все не как у людей!

– А как у людей? – поддразнивала ее мама.

– Чистота, порядок, уют! – шумела бабушка. – Квартиры получают, обстановку покупают. Ну да ладно, квартиры нет, так хоть бы эту-то комнатуху подкрасила, побелила. Живешь, как по течению плывешь. – Бабушка махала рукой, уходила в кухню.

– Это точно, – кивала мама, – как по течению...

Потом, после бабушкиного отъезда, бралась за тряпку, за веник, мыла, скребла, прибирала, приносила даже мелу, чтобы побелить потолок, кисть с длинной ручкой, но вдруг садилась на кровать, закуривала папироску, молча глядела перед собой, потом собирала все приготовленное для ремонта, отдавала соседям.

– Ты что, мам? – удивлялся Сережа. – Раздумала?

– Плевать на все, – говорила она, улыбаясь. – До потолка боюсь не дотянуться.

– Так давай маляров позовем! – удивлялся Сережа. – Тоже нашла причину.

– Позовем, позовем, – говорила мама. Но так никого и не звала.

Потолок в комнате был серый от папиросной копоти, и все оставалось по-прежнему у них: хоть и неуютно, но привычно...

Мама трогает тихонько струны, поет негромко:

Гори, гори, моя звезда...

Голос у нее глуховатый, но сильный. «Профессиональный», – говорит тетя Нина.

Звезда любви приветная...

Больше всего любит Сережа, когда мама поет. Не в компании – шумно и весело, а вот так, тихо, как для себя. А значит, и для него, Сережи...

Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Мама кладет руку на струны, спрашивает улыбаясь:
– А ты знаешь, кто эта звезда заветная?

Сережа мотает головой.

– Ты. – Он смеется. – Ты, ты, не смейся. Каждый, кто поет, думает про свою звезду, конечно. У каждого она есть. А я вот про тебя думаю.

– Почему не про папу?

Мама удивленно глядит на него, смущается отчего-то, потом твердо повторяет:

– Нет, про тебя.

– Ну а я тогда про тебя, – говорит Сережа. – Ты тоже моя

звезда заветная. — Он садится в раскладушке.

— Ладно, ладно, — грустно говорит она, — пока заветная, и то хорошо. А вырастешь, будет у тебя другая звезда. Про меня и не вспомнишь.

— Эх ты! — возмущается Сережа, отстраняясь. — Так про меня подумала! Я же твой сын, как я про тебя забуду? — Он умолкает, вспомнив Никодима, и прибавляет обиженно: — Не то что ты!

Мама резко вскакивает, вешает гитару на гвоздик. Не поворачиваясь к Сереже, чиркает спичкой, сильно затягивается, говорит:

— Не беспокойся, я уже решила. Будет все, как было. И Никодим тут ни при чем.

Сережа приподнимается на раскладушке, молчит от растерянности, потом спрашивает жалобно, надеясь и не веря:

— Правда, мама?

Она оборачивается к Сереже, комкает пальцами папироску, подходит к зеркалу.

Сережа притихает. Мама смотрит не в зеркало, а на Никодима.

Потом берет карточку в руки, трогает ее, словно гладит Никодима, и вдруг рвет в мелкие клочки.

У Сережи перехватывает дыхание.

— Зачем? — удивляется он, приподнявшись на локте. Теперь-то Никодим не страшен ему. Нисколечко. И может еще сто лет сидеть там, в углу зеркала.

– Да что уж тут, – отвечает мама, подходит к выключателю и щелкает им.

Сережа, приподнявшись, вглядывается в темноту, стараясь рассмотреть маму. В отраженном свете улицы он видит ее лицо, и ему кажется, что она лежит с открытыми глазами. Он зовет ее шепотом, но она не отвечает, и тогда Сережа решает, что это, верно, от усталости и от вина ее так скосило.

Та-та-та-та...

Та-та-та-та...

Сереее сниться война. Будто он летит на своем оранжевом самолете и строчит по невидимому врагу. Трассирующие пули идут впереди самолета широким белым веером, вспарывают землю внизу, Сережа летит на бреющем, одно крыло чуть вниз, потом штурвал к себе, и оранжевый самолет круто взмывает вверх. Сережа видит, как оттуда, из-под облака с золотой каймой, падает на него черный крест – вражеский самолет.

Он нажимает гашетку.

Та-та-та-та...

Но трассирующий веер не рассыпается впереди него.

Та-та-та-та...

Значит, кончились патроны. Кто же тогда стреляет? Черный крест? Черный крест...

Сереее видит, как смертельный веер тянется к нему, словно белые длинные пальцы. К его заметному оранжевому самолету.

Сереее вскакивает. Ощущает, как капельки пота ползут по лбу. Фу, душно в комнате.

Он вздрагивает.

Та-та-та-та...

Черный крест опять строчит. Хотя нет, это стук. Кто-то стучится в дверь. На улице уже светает.

– Мама, – шепчет Сережа, – мама!

Она поднимает голову, говорит испуганно:

– Что случилось?

– Стучат.

– А-а, – говорит мама, позевывая и сразу успокаиваясь. – Ну открой.

После душного сна Сережа приходит в себя. Никакого креста нет, слава богу. Все нормально. Дом, мама. Он вздыхает и идет к двери...

Та-та-та-та...

– Сейчас, сейчас, – ворчит он, вовсе успокаиваясь, сбрасывает цепочку, вертит кругляш английского замка, распаковывает дверь и отступает назад.

Сердце у него обрывается. Будто он снова уснул. Будто продолжается страшное видение, только теперь другое. Вторая серия.

В дверном проеме стоит Никодим.

Он улыбается, глядит приветливо на Сережу, потом шагает вперед, молча протягивает ему руку, и Сережа, как загипнотизированный, дает свою.

Сначала, пока никого не видно из-за отворенной двери, мама удивленно моргает глазами, но, когда Никодим входит в комнату, она вскакивает, прикрывая себя одеялом, потом, отвернувшись, натягивает халат, поворачивается и смотрит

на Никодима, растерянная и взлохмаченная.

А Никодим, ничего не замечая, подходит к столу, грохает на него тяжелую авоську, рядом приставляет фибровый чемодан.

– Не ждали! – говорит он, усмехаясь. – Помните, картина такая есть. Кого-то из передвижников, кажется. Так и называется: «Не ждали».

Сережа помнит. В какой-то книге видел. Комната большая, не такая, как у них, и все в ней замерли, потому что на пороге стоит человек, коротко стриженный, усталый. Вернулся, наверное, из тюрьмы. Или с каторги. Революционер.

Там понятно, там революционер. А Никодим тут при чем? Ну да, не ждали... Вообще не ждали, правильно. Хотя почему же? Ждали. Даже приготовились.

Сережа видит, как трудно маме. Он вглядывается в ее лицо, и она чувствует его взгляд. Но не может решиться. Не может шагнуть к Никодиму и сказать ему сразу. Она оборачивается к зеркалу, торопливо причесывается, а Сережа стоит один на один с Никодимом.

Гость развязывает авоську. Старательно развязывает.

– Аня, – говорит он, не отрываясь от авоськи, – вы извините, что я так рано... Хотел было другим поездом, но не утерпел, взял билет на самый первый, приехал ночью, еле утра дождался – и бегом к вам... Так что извините, разбудил все же.

– Ничего, – глухо отзывается мама, не отворачиваясь от

зеркала.

– Хотел попозже прийти, – говорит Никодим, – но думаю, Сережу надо застать, пока в школу не ушел, может, думаю, порадую... – Он зубами развязывает свой проклятый узел, но говорить не перестает. – Аня, – мычит, – а ты Сереже-то, м-м, черт, вот замотал... Ты Сереже-то все сказала?.. Ничего... Надо же... Ничего не скрыла?

Мама молчит.

– Ну вот, – балабонит Никодим, – размотал все же. – Он хрустит бумагой, разворачивает сверток, оборачивается к Сереже, протягивает ему сперва ласты, потом трубку для ныряния, потом маску.

Сережа растеряннo топчется на холодном полу, держит охапку подарков и чувствует себя одураченным. Не знает, как быть. С Никодимом он разделался еще вчера. Вечером, когда мама порвала его карточку. И вот он пришел. И дарит подарки. И заговаривает зубы. А мама причесывается у зеркала и молчит. И будто ничего не видит.

Не видит! Все она видит! Только трусит.

Сережа решается. Он больше не даст себя одурачить. Жалко, конечно, возвращать все это добро. Ласты вон какие зеленые, прекрасные, лягушачьи! И трубка! И маска! Но разве можно на это поддаваться? Он не карась какой-нибудь глупый. Он на красивые приманки не клонет.

Сережа шагает вперед, складывает подарки на стол, говорит хриплым голосом:

– Спасибо, мне не надо. – И добавляет невпопад: – Мне в школу надо.

Никодим останавливается, смотрит внимательно на Сережу, но Сережа торопливо одевается и не глядит по сторонам. Только чувствует на себе тяжелый этот взгляд.

Никодим переступает с ноги на ногу, спрашивает маму:

– Что же, Аня, получается, а?.. Или ты передумала?

– Передумала, – отвечает мама, все причесываясь.

– Да повернись ты! – вдруг командует Никодим.

Сережа возмущенно вскидывает голову, хочет сказать, чтобы потише он тут себя вел, не командовал, но видит, как покорно поворачивается от зеркала мама, как смотрит она на Никодима испуганными, округлившимися глазами, в которых дрожат слезы, и вдруг его озаряет: мама слушается Никодима! Значит!..

– Извини, Никодим! – говорит мама и что-то теребит в руках. Сережа видит, что она перебирает обрывки фотографии. Той, вчерашней. – Извини! – повторяет она. – Я не все учла... И я передумала.

– Но как же так? – разводит руками Никодим. – Мы же переписывались! Два года!.. Мы договорились!.. Я приезжал!..

Он восклицает, лицо его покраснело от натуги, уши топориком тоже порозовели, и Сереже становится жаль его.

Но жалость тут же исчезает.

Никодим говорит маме:

– И вообще, Аня! Ты так настаивала, так хотела, чтобы

мы жили вместе. В конце концов, ты знаешь, я иду против воли матери!

Сережа хлопает глазами. Он думает, мама сейчас взорвется. Прогонит Никодима прочь. Но мама жалко улыбается, говорит, нисколько не обижаясь:

– Да, да, Никодим, ты прав, все так и есть, но я не могу...
Решила.

Никодим оборачивается к Сереже, подхватывает свой чемодан и шагает к двери.

Он больше не смотрит на маму. Он разглядывает Сережу. С интересом разглядывает, и Сережа замечает, что губы у Никодима вздрагивают, как от сильной обиды.

– А это? – говорит ему Сережа, показывая на подарки, но Никодим не слышит. Он останавливается в распахнутых дверях, пристально смотрит на Сережу и тихо произносит:

– За что ты меня ненавидишь?

Сережа чувствует, как сердце в груди начинает метаться зайчиком. Почему он так говорит? Разве Сережа его ненавидит? Вовсе нет... Совсем нет... Он не ненавидит его...

Сережа вскакивает. Он открывает рот, чтобы объяснить, чтобы как-то ответить этому чужому человеку, но вместо слов из него вырывается странный хрип.

Дверь захлопывается.

Никодимовы шаги грохочут по кухне. Взрывается дверь на сильной пружине, и у соседки, наверное, вылетают мозги. Все стихает.

А Сережа стоит, открыв рот, захлебываясь от подкатившей к горлу обиды.

Май, а на улице дождь, нудный, будто осенью. Тучи над самыми крышами носятся рваные, клочковатые, злые. Тягостно на душе. И от погоды, и от утреннего разговора.

Сережа смотрит за окно, в плотный дождь, который стусевывает силуэты домов, и будто перед Никодимом оправдывается.

Что же, в самом деле он Никодима ненавидит?

Ну ненавидит, допустим. От обратного пойдем. Как в теореме. А за что он его любить должен? За то, что к ним прийти хочет?

Сережа раздумывает. Вспоминает маму.

Он тогда сразу за Никодимом выскочил. Схватил портфель и убежал. Мама у комода осталась. Глаза широко открыты. В пустоту смотрят. Глаза большие, а лицо постарело мгновенно...

Сережа судорожно оглянулся, приходя в себя, как бы возвращаясь в действительность. Класс. Зеленые стены. Учительница возле доски ходит. Вероника Макаровна, по прозвищу Литература.

Лет Веронике Макаровне много, но она всегда на высоких каблуках ходит. А ноги тонкие и, наверное, слабые, поэтому на каблуках она пошатывается. Как на коньках, если плохо катаешься. Чулки при высоких каблуках Литература носит

простые, ученические, в резинку, но они всегда перекручены.

– Ну, кто ответит? – спрашивает Вероника Макаровна и подслеповато щурится: она близорукая, так что тем, кто на задних партах, может повезти – издали лиц не разглядит, а фамилию – кто там сидит – не сразу вспомнит. И вообще она странная. Вот и теперь остановилась у окна и словно забылась. Забыла, что у нее класс, что она спрашивать должна. Смотрит на улицу, где дождь ерошит лужи. Класс притих. Если вот так тихо сидеть, Вероника Макаровна может долго за окно глядеть. Минут пять. А то и больше. Наконец она оборачивается.

– Ну, кто ответит? – повторяет Вероника Макаровна. Сережа видит, как Понтя, сосед его, руку тянет.

Вероника Макаровна смотрит на Понтю, потом в журнале ручкой ставит напротив Понтиной фамилии точку и торжественно объявляет:

– Пантелеймон Карпов.

Имя, конечно, у Понти забавное. Пантелеймон! Да сейчас таких имен никому и не дают. Но Понтя как раз этим гордится. Его так в честь деда называли. А дед у Понти – Герой Советского Союза. Генерал в отставке. Деда у Понти никто не видел, он в Москве живет, но карточку Карп приносил. Очень он на генерала своего похож.

– Отвечай! – говорит Понте Вероника Макаровна.

– В повести Пушкина «Капитанская дочка», – говорит Се-

режин сосед, – есть два типичных представителя своих обществ.

– Гринев – от «Динамо», Пугачев – от ЦСКА, – ворчит кто-то в классе, по партам прокатывается смешок.

Вероника Макаровна стучит ручкой по столу.

– Гринев – представитель дворянского общества, – декламирует Пантелеймон, – и, хотя он является врагом крестьян, он вынужден обратиться к Пугачеву за помощью по личным вопросам.

– Выбирай выражения, – говорит Литература, – думай, как говоришь.

– Да я в том смысле, – горячо объясняет Понтя, – что ведь ему же никто, кроме Пугачева, не помог. Пугачев был добрый человек. Пугачев возглавил восстание крестьян против царизма. Зря он только себя за царя выдавал. Пушкин подчеркивает его обреченность, потому что в то время еще не назрела революционная ситуация.

– Когда назрела революционная ситуация? – спрашивает Вероника Макаровна.

– Седьмого ноября семнадцатого года, – отвечает ей кто-то с места.

– В начале, – поправляет она, – семнадцатого года. А когда происходили события, описываемые в «Капитанской дочке»?

– В восемнадцатом веке, – отвечает Понтя.

– Вот именно! – подтверждает Литература, поднимаясь со

стула и давая Понте сигнал садиться. – События, описываемые в «Капитанской дочке», – говорит она, – относятся к тысяча семьсот семьдесят четвертому году и отражают события восстания крестьян под предводительством Емельяна Пугачева...

Вероника Макаровна говорит что-то про Пугачева и Гринева, а Сережа думает о Марии Ивановне, из-за которой и случились у Гринева все эти происшествия с Пугачевым, вспоминает сцену перед сражением: как стискивал Гринев рукоять шпаги, как горело его сердце, как воображал он себя рыцарем Марии Ивановны и желал защитить ее от врага.

Сережа растерянно оглядывает класс и видит Галину ко-су. «Вот с кем надо поговорить», – думает он а принимает-ся внимательно смотреть на Галю. Она беспокойно начина-ет шевелиться, потом поворачивается, глядит вопроситель-но на него.

– Воробьев! – слышит он голос Литературы и поднимает-ся, мучительно думая, что же спросила сейчас Вероника Ма-каровна. Но она говорит ему: – Ты чего такой рассеянный?

Сережа пожимает плечами, глядит внимательно на учи-тельницу.

– Бывает, – говорит он виновато.

И Вероника Макаровна неожиданно кивает:

– Бывает.

В глазах ее Сережа видит растерянность.

Дождь встал глухой белой стеной – в двух шагах, словно лес, скрывает человека. Девчонки и ребята бросаются с крыльца как в омут и тут же пропадают. Краешком глаза Сережа следит за Васькой и мчится за ней, боясь отстать, потерять из виду. Длинноногую девчонку догнать непросто. Сережа хочет уже позвать ее, крикнуть, чтобы подождала, но неожиданно Галя ныряет в чужой подъезд. Сережа заскакивает следом.

– Тебе чего? – настороженно спрашивает запыхавшаяся Галя.

Он переступает с ноги на ногу, мнется, не знает, как начать, как вообще надо спросить про то, что нужно.

– Галь! – заикаясь, говорит Сережа и повторяет: – Галь! – Наконец бухает: – А у меня мама жениться хочет.

– Замуж выйти, а не жениться, – поправляет его Васька. И переспрашивает: – Хочет?

Васька смотрит на него внимательно, приблизив к Сережиному лицу свое лицо.

– Не знаю, что делать, – вздыхает Сережа.

– Он нехороший? – спрашивает Галя. – Пьяница?

– Нет, – растерянно отвечает Сережа. – Не пьяница. – Потом, разозлясь, объясняет: – На фиг он мне нужен: у меня отец есть.

Васька задумывается, отворачивается к дождю. Говорит неуверенно:

– Но ведь замуж не ты выходишь... Мама...

– А зачем ей замуж? – удивляется Сережа. Никак он не может этого в толк взять: действительно, зачем? Разве плохо жили они до сих пор? Разве скучно им было друг с другом? Ну разве же это неясно – придет третий, лишний, и никогда уж не будет Сереже так хорошо с мамой и маме с ним, потому что Никодим будет мешать. Что ему, про отметки рассказывать прикажете? Про авиамодельный кружок? Про то, что Сережа хочет на отца походить и будет, как он, летчиком?

– Ты странный человек, – говорит Галя, строго глядя на Сережу. – Зачем маме замуж? Для счастья. Разве не ясно? Ведь человек рожден для счастья, как птица для полета, слышал? Она еще не старая. У нее еще должен быть муж. Защита и опора.

– Рассуждаешь, как старуха, – недовольно бурчит Сережа, но что-то словно успокаивает его. – Защита и опора, – хмыкает он. – А я?

Галя улыбается.

– Ты, конечно, защита, – говорит она, – но не опора. Пока что, конечно. Вырастешь, будешь и опорой.

– Высоковольтной? – смеется Сережа.

На душе полегчало, будто и в самом деле Галя – старая старуха, которая все объясняет и успокаивает. Подъезд, куда они забежали, недалеко от Сережиного дома. От Васькиного

еще ближе. Но он вдруг предлагает:

– Идем в кино!

В конце квартала – «Колизей». Сквозь дождевую дымку горят огни не вовремя сверкающей рекламы.

Васька кивает, и они мчатся. Бежать с Васькой приятно, Сережа сдерживает себя, чтобы не обгонять ее, чтобы она бежала чуток впереди, самую малость. Лужи хлопают под ботинками, расплескивая в стороны брызги. У Сережи есть рубль – им хватает на билеты и на кофе. И даже на два песочника. Он прихлебывает невкусный, но горячий кофе и снова вспоминает последние Васькины слова. И чем больше думает над их смыслом, тем ему хуже. Действительно. Замуж хочет мама, а решает он. Как глупо.

– И потом, – вдруг говорит Васька, – отца не вернешь, ведь правда? Что же делать?

Гаснет свет, на экране мельтешат кадры.

Сережа смотрит кино, но в голове его совсем другое.

Как все запутано, в самом деле... Как все горько.

Мама часто говорит: «В жизни все бывает не так, как в кино. Я сама убедилась». Когда говорят другие, этих слов не слышно. Пропускаешь мимо ушей. Но когда касается самого...

Сережа смотрит на Ваську, на грустную ее косичку, и она, не поворачиваясь, стучает его по руке:

– Смотри на экран.

– Смотрю, – покорно отвечает Сережа.

Дождь прошел.

Сережа стоит перед высоким серым зданием. Вверху, под крышей, блестят шагающие серебряные буквы: «Почта – телеграф». И часы в полстены.

Все в городе знают, где почта, но очень немногим известно, что здесь без всяких вывесок – и вход со двора – на верхнем этаже находится радиостудия – важный объект. Государственный. И его охраняют.

Сережа гордится: мама его как бы на важном заводе работает. Туда только по пропускам вход. Поэтому Сережа к вахтеру подходит, просит:

– Позовите, пожалуйста, Воробьеву.

– Анну Петровну? – спрашивает женщина с пистолетом. Сережа ей улыбается. Это тетя Дуся. Она на вахте, чтобы не скучно, любит вязать.

Сережа ждет маму, прогуливается вдоль здания и вдруг замечает, что возле лужи на корточках сидит тети Нинин Котья.

Сережа к нему подходит, говорит:

– Здорово, Котья.

– Сергуне наш привет, – отвечает важно Котья. Ничуть не удивляется его появлению.

– Сергуня, – спрашивает он без перехода, морща малень-

кий, кнопочкой, нос, будто только и ждал, когда Сережа придет, – а тебе страшно?

– Чего страшно? – не понимает Сережа.

– Посмотри в лужу, – говорит Котька. – Видишь, какая глубина. Видишь, вон то большое дерево в этой луже умещается.

Сережа смотрит в лужу. Вот какой глазастый этот маленький Котька. Действительно, если взглянуть в лужу – глубина страшная. И дерево в ней, и кусочек почтамта, и даже тучи. Сережа закрывает глаза. Открывает их снова.

– Нет, не страшно! – отвечает Котьке.

– Это сейчас не страшно, – говорит Котька, – потому что ты большой. А когда ты маленький был, тебе тоже было страшно.

Сережа берет Котьку за лямку коротких его штанов, поворачивает к себе. Котька доверчиво обнимает Сережу за шею, щекочет его за ухом. Сереже не хочется его огорчать.

– Страшно! – говорит он. – Еще как страшно. Мне и сейчас страшно бывает.

– А чего ты боишься? – спрашивает Котька, но ответить не дает. Лоб его сморщен. Он все время что-то соображает. – Я, например, боюсь тигров, леопардов и змей. Змеи шипят. Но я их не видел. Только в кино.

– А леопардов и тигров? – смеется Сережа.

– Тоже в кино, – ничуть не смущается Котька.

В Котьке накопилось много мыслей, ему их надо обсудить,

и он без передышку говорит Сереже:

– Хочешь, научу, как надо сорок ловить? Берешь бумажку от шоколадной медальки, привязываешь к ней длинную нитку, бросаешь медальку под дерево, где сорока сидит, и начинаешь к себе тянуть. Сорока бумажку увидит, подлетит, а ты веревочку к себе тяни. Она подойдет, ты снова – к себе. Вот сорока за блестинкой совсем близко подойдет, тут ты иловишь.

Котька облегченно вздыхает. Он, наверное, боялся, что не успеет рассказать все подробности и Сережа уйдет. Но Сережа не ушел, и теперь можно вздохнуть. И даже вытереть под носом.

– Котька, – спрашивает Сережа, – а ты тут с кем?

Но Котька не успевает ответить.

– Сережа! – кричит от проходной тетя Нина. – Иди сюда! Я тебя проведу!

Наверху, где радиостудия, люди ходят тихо. Разговаривают вполголоса. На специальном табло, как у входа в рентгеновский кабинет, горят строгие красные буквы: «Тихо! Идет передача!»

Тетя Нина вводит Сережу в аппаратную. Тут стоят магнитофоны, огромные, вполроста. Это если взрослому. Сереже так до груди будет. Медленно вращаются огромные бобины с магнитной пленкой.

Вот интересно! Когда фотографируешься, все понятно. Фотопленка, светочувствительный слой, проявитель, фото-

бумага... В фотографии свет записывает твоё лицо — это ясно. Происходят химические изменения. А здесь? Пленка крутится с одной бобины на другую. И никак не изменяется. А записывает-то посложней изображения! Записывает звук!

Тетя Нина держит Сережу за плечо, чтобы не отходил, кивает на большое окно в стене.

За стеклом, как в аквариуме, сидит мама. Она шевелит губами — что-то говорит, но что — не слышно. И это выглядит очень забавно.

Сережа разглядывает мамин аквариум. В комнате, где она сидит, все стены обиты материей, чтобы не было резонанса. Перед мамой на гнутых ножках, будто склонившиеся цветы, штук пять микрофонов. Один, побольше, похожий на чёрный блин, свисает прямо с потолка.

Мама читает старательно, изредка отрывается от бумаг, но в окно не смотрит — глядит на потолок или в сторону. Иногда она жестикулирует. Морщит лоб. Прикрывает глаза. Качает рукой в такт словам. Может быть, читает стихи.

Мама ведёт себя так, будто совсем одна. А на неё глядят человек десять. Пристально смотрят. Другой бы не выдержал, смутился, но маме до людей по эту сторону окна дела нет. Она своим занята.

Мама кончила читать, откинулась на стул, устало бросила вниз руки.

У главного магнитофона стоит дядька — седой и лохматый. Волосы у него — будто дым из трубы валит, торчком стоят.

Щетина на бороде. Но глаза веселые, так и бегают.

– Молодец, Анька! – кричит он маме, щелкнув чем-то.

И вдруг мамин голос, измененный динамиком, Сережу оглушает.

– Черта с два! – говорит мама грубо. – Переписываем!

– В последний раз, – испуганно кричит взлохмаченный дядька. – А то на тебя не угодишь. Просидишь с тобой до ночи! И передача скоро!

– Не ори! – спокойно советует ему по радио мама.

Сережа думает, дядька рассердится, но он только смеется, нажимает кнопку в магнитофоне. Лента с маминым голосом несется назад, как курьерский поезд.

Лужи походят на осколки темных стекол. Огни, загоревшиеся в окнах, отражаются в воде желтым бисером. После дождя потеплело. Небо расчистилось от туч. Над крышами повис яркий лунный зрачок.

Они идут медленно, мама вдыхает воздух, в котором словно растворилась тополиная листва, и тихо повторяет:

– Как хорошо... Хорошо...

Тетя Нина так и не дождалась, когда мама освободится. Пожала Сереже плечо, сказала, что ей пора кормить Котьку, и убежала. Сережа стоял в аппаратной до конца. Сидел в коридоре, когда шла передача. Мама курила папиросы, сыпала пепел, вздыхала от вынужденного безделья, потом передача кончилась, и вот они уже подходят к дому, а Сережа все не знает, как начать. Как сказать маме про Никодима.

Просто так сказать: «Я согласен» – глупо. Нехорошо. Надо сказать так, чтобы мама поняла. Чтобы ее не обидеть.

Сережа весь вечер думает про людей. Про то, от чего счастье зависит.

Ему кажется: из всех его взрослых знакомых тетя Нина – самая счастливая. Отчего? Ну, во-первых, она красивая. Сережа даже в нее немножко влюблен. Он от этого с тетей Ниной долго говорить стесняется. Если один на один. При других, пожалуйста, потому что при других только с ним тетя

Нина говорить не станет. Обязательно отвлечется. С ней ведь все поговорить хотят. Ниночка да Ниночка: всякий, кто мимо нее пройдет, – знакомый, конечно, – непременно остановится. Что-нибудь скажет. Или спросит. Тетя Нина не только красивая. Она обаятельная. Так мама говорит. Это правда. Если все к ней тянутся, значит, обаятельная.

Глаза у тети Нины всегда блестящие. А голос на мамин похож. Грудной.

Она, как и мама, стихи очень любит. Мама ее хвалит за стихи. А тетя Нина маму хвалит.

Мама ее обрывает, говорит:

– Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку!

Они смеются обе. Действительно, что поделать? Они подруги, и не просто подруги, а товарищи по работе. У них одна профессия – дикторы. Только одна – радиодиктор, другая – теледиктор.

Но разница между ними все-таки есть.

Про эту разницу мама любит тете Нине рассказывать.

– Возраст – раз. Два – вывеска. – Это мама лицо вывеской называет. – Три – характер. А на трех китах, как известно, держится мир.

Характеры у них действительно разные. Мама курит много. А это не просто привычка. Иногда так закурит, задень ее, она как камень раскаленный. Плесни воды – взорвется.

Да что там говорить... Счастливая – несчастливая. Это же не только от удачи зависит, от выигрыша какого-то. Это ведь

не лотерея.

Счастливым человек счастлив потому, что он такой, а не другой. Был бы другим, стал бы несчастливым. Была бы тетя Нина как мама, тоже, наверное, несчастливой оказалась.

Но тетя Нина красивая, веселая, легкая, добрая. Сережа задумывается. А мама, что же, не добрая? Еще какая добрая!

Сережа припоминает утренний разговор. Явление Никодима. И вчерашний.

Вон она какая добрая, мама. Решила, что Сереже с Никодимом хуже будет, и отказалась от того, что решила. Для него, Сережки.

Выходит, несчастным и от доброты тоже стать можно.

Сереже делается жалко маму. Он берет ее под руку, заглядывает ей в глаза.

– Ну что, Сергуня, – говорит мама, – вот и добрались мы домой.

– Добрались, мама, – отвечает Сережа. Сердце у него щемит от жалости. Он хочет сказать что-нибудь хорошее, выбрать какое-то необыкновенное слово – светлое и прозрачное, – чтобы маме сделалось хорошо, чтобы она не когда-нибудь, а вот теперь, тотчас, почувствовала себя счастливой, но придумать ничего не может.

– Мам! – говорит он грубо, как она, и хочет поправиться, сказать мягче. Но ничего у него не выходит. – Мама, – повторяет Сережа непослушным голосом. – Понимаешь, только не обижайся, пожалуйста, я хочу сказать тебе про Нико-

дима. — Он молчит, потом поправляется: — ...Никодима Михайловича. — И опять молчит. — Я не против, — выговаривает он наконец, — пусть женится на тебе.

Мама останавливается, смотрит на Сережу испуганными глазами.

— Пусть он на тебе женится, — начинает торопиться Сережа, — пусть. В тесноте, да не в обиде, ты не беспокойся, мою раскладушку можно от окна отодвинуть к шкафу, тогда войдет еще одна кровать. — И кончает неожиданно. — Ведь папы нет...

Он говорит, захлебываясь от слов, и мама смотрит на него спокойнее, без испуга. Потом берет Сережу обеими руками за голову, притягивает к себе. Он тыкается носом в холодный, влажный плащ.

— Не думай об этом, Сергунька, — говорит мама. — Я ведь решила.

Он отшагивает от нее.

— Это ты из-за меня, — говорит он громко.

Мама молчит, качает головой.

— Да он теперь не придет, — говорит мама.

— Придет! — уверенно смеется Сережа. — Еще как придет! Бегом прибежит! Ведь к тебе же, к тебе!

— Глупенький, — улыбается мама, — не все так просто. Он не придет. И я к нему не пойду.

— Значит, я пойду, — не задумываясь, отвечает Сережа, и мама хмыкает. Он молчит и хмыкает тоже. Брякнул, называ-

ется. Он? Пойдет к Никодиму? И что скажет?

Утром по дороге в школу Сережа видит Веронику Макаровну. Узнать ее можно за сто верст.

Она идет не одна. С каким-то мужчиной. Литература о чем-то спорит с ним, но и мужчина не соглашается. Они размахивают руками и, похоже, ссорятся, потому что возле школы расстаются, даже не кивнув друг другу.

Сережа глядит, как Литература ковыляет, покачиваясь, на каблуках, будто на коньках, потом оборачивается на мужчину и обмирает.

Через дорогу, посматривая на машины, переходит Никодим.

Сережа мгновение стоит в нерешительности. Потом кидается вслед.

Догнать его очень просто. Десять секунд быстрого бега.

Сережа обгоняет Никодима и останавливается перед ним.

– Здравствуйте, Никодим Михайлович, – говорит он, переводя дыхание. Никодим останавливается. Удивленно разглядывает его.

– Ну, привет! – отвечает недоверчиво.

– Это я виноват, Никодим Михайлович, – говорит Сережа. Неожиданность помогает ему говорить решительно, не выбирая слов. – И вас я не ненавижу. Вы ошибаетесь. – Сережино наступление обескураживает Никодима. – Если я вас

обидел, извините меня, – продолжает Сережа. – Вы должны к нам прийти.

– Никому ничего я не должен, – мрачно говорит Никодим, но тут же спрашивает: – Это ты сам? Или мама тебя послала?

– Эх, вы! – задыхается от возмущения Сережа. – Можно ведь догадаться, кажется! Если бы мама, я вас дома нашел. А я случайно вас увидел. С училкой нашей. С Литературой.

Никодим растерянно кивает, огибает Сережу, потом оборачивается:

– С Литературой, говоришь?

И вдруг смеется.

Сережа не понимает, чего он. Потом догадывается – ему смешно, что учительницу так зовут. Нет, не такой уж он, оказывается, противный, этот Никодим.

Вовсе не противный.

– С Литературой, – кивает Сережа и смеется тоже. – А вы с ней, оказывается, знакомые!

– Знакомые! – говорит Никодим.

Они стоят друг против друга и улыбаются – тревожно, недоверчиво, не зная, что будет дальше.

Часть вторая

Свадебное путешествие

1

Свадебное путешествие...

Никодим сказал:

- Едем в свадебное путешествие.
  - Счастливого пути, – дрогнув, ответил Сережа.
  - И ты с нами, – сказал Никодим.
- Сережа посмотрел на него подозрительно.
- Куда? – спросил он.
  - Секрет фирмы, – засмеялся Никодим.
  - А когда?
  - Когда кончишь учиться.

Сережа где-то читал, что раньше в свадебные путешествия ездили за границу. На каком-нибудь пароходе с парусами. На какие-нибудь Азорские острова. Вот житуха была! Качайся себе на волнах, разгуливай в белых штанах, кури сигару. Любуйся морями и пальмами.

Ясно, что на Азорские острова они не поедут. Но куда? В Москву? Это было бы здорово! В Ленинград? Никогда Сережа в Ленинграде не бывал. Нигде он не был, кроме пио-

нерского лагеря в тридцати километрах от города.

Но Москва и Ленинград и даже Азорские острова померкли, затуманились, когда Никодим открыл тайну.

Утром проснулся Сережа, а на столе три рюкзака: большой, поменьше и маленький. А у дверей – подумать только! – три велосипеда. Он даже не поверил вначале. Поморгал, глаза кулаками потер – нет, стоят. Поблескивают никелированными частями.

Сережа у мамы давно велик просит. Мама не покупает. Ей не жалко, она боится, что он под машину угодит. А тут три сразу! Да откуда?

Дверь открывается, входит Никодим с авоськой. В ней хлеб, сахар, чай.

– Последние подробности, – говорит он. И велит: – Вставай скорее!

Они быстро завтракают, выводят во двор своих коней, Никодим рассказывает, как весь вечер чистил в сарае от смазки купленный вчера велик для Сережи, как брал напрокат остальные.

И вот они едут, и Сережа думает, что все произошло словно по волшебству. Раз – и они в свадебном путешествии. Едут втроем не в душном вагоне в незнакомый город, а полевой дороге, среди зеленых колосьев и васильков в деревню к бабушке.

У Сережи дорожный ЗИЛ – он его пощупать даже как следует не успел. Ход мягкий, бесшумный. На бугорочках сиде-

нье пружинит – не скрипнет! Шины по гладкой тропе шуршат, словно у новенького автомобиля: «Чш-ш-ш!» Тормоз действует безотказно. Только нажми на педаль, и велик как вкопанный на месте стоит.

Сережа разгоняет по дороге, тормозит, поворачивает, поднимаясь в рост, с силой давит на педали. Велосипед фурчит, мчится навстречу маме и Никодиму. Сережа тормозит опять, взрыхляя пыль, объезжает их аккуратно, слушает, о чем они говорят.

– Если гнать, – говорит Никодим, – то можно и за сутки доехать. Восемьдесят километров не так уж много. Но к чему? За три дня не спеша и доедем. Покупаемся где-нибудь. Позагораем. Цветов нарвем! Заночуем у костерка.

Мама согласно кивает Никодиму, Сережа смотрит на него с интересом.

«Как все-таки я не прав был, – думает. – На Никодима зверем глядел. Карточку его ненавидел».

Осторожно, чтобы Никодим не заметил, Сережа разглядывает его. Вглядывается.

Нет, на карточку свою он похож, конечно. Волосы сивые, гладко назад зачесаны. Вообще-то их можно светлыми называть. Русыми. Но не чисто. С каким-то серым отливом. И уши торчат, тоже правда. Но, если рассудить спокойно, не такой уж это грех. У кого торчат, у кого, напротив, прижатые. Тоже нехорошо. А в общем-то для мужчины такие недостатки значения не имеют. Девчонке, женщине – да. Уши торч-

ком – нехорошо. Но и то их, наверное, волосами можно прижать. Волосы подлиннее отрастить, на затылке узлом завязать – вот уши и прижмутся.

От Никодима Сережа к Ваське переходит почему-то. О ней думает. Хорошо, думает он, у Васьки вот уши не торчком. У нее вообще все как надо. Косичка сзади толстая. Глаза... Он вспоминает Васькины глаза. Как два выстрела...

Сережа смущенно хмыкает. Что это он о Ваське думает? Уж не того ли... Не влюбился?

Раньше бы за такую идею Сережа сам на себя разозлился. А сейчас, странно, ему даже приятно это слово повторять. Влюбился... Хм... Влюбился.

Ничего такого Сережа не чувствует. Никакой любви. Просто думает об этом, но как-то со стороны словно бы. Вон Понтя зимой влюблялся, так на уроках ничего не слышал. Всю промокашку сердечками со стрелой изрисовал. Сереже ничего такого рисовать не хочется. Но он смотрит на себя в велосипедное зеркальце. Разглядывает свой профиль. Не античный, конечно, но ничего. Нос у него, пожалуй, широковат. Мама раньше говорила, отцовский нос. Она его вообще на две части делила. «Нос, – говорила, – отцовский, а глаза мои. Ресницы тоже мои, я когда девчонкой была, они такие же пушистые были. Даже смотреть мешали». Сережа жмурит один глаз, другим на себя в зеркало смотрит. «Да, пожалуй, ему тоже ресницы мешают...»

Эта мысль ему уже на земле приходит. Как очутился вни-

зу, не помнит. Загляделся в зеркало. Вот черт, локоть саднит.

Сережа смущенно поднимает свой ЗИЛ, оглядывает технику. К нему бежит мама, ее велосипед прямо на дороге лежит. Никодим отводит его в кювет, кладет рядом со своим, подходит к ним тоже.

– Как это тебя угораздило? – смеется он.

Сережа пожимает плечами. Не признаваться же, в самом деле, что в зеркало загляделся!

– Тебе шутки, – недовольно одергивает Никодима мама. – А у него кровь, видишь. Локоть разбил.

– Сейчас обеспечим, – говорит Никодим и приносит свой рюкзак.

Из фляжки он обмывает ссадину, смазывает ее йодом из дорожной аптечки. Сереже больно, он попискивает, но терпит. Перед мамой одной и пореветь еще можно было бы. А в глазах Никодима срамиться нельзя.

– Перебинтуем? – смеется Никодим, но Сережа качает головой. Опять ему нравится Никодим. Без маминых сентиментальностей. Раз-раз – и готово. По-солдатски.

Они едут дальше. Проселочная дорога пуста, и они катятся рядышком. Никодим и мама. А с краю Сережа.

– Со мной однажды случай был, – говорит Никодим. – В армии я служил, назначили меня в наряд. Зимой было дело. Стою я у склада, карабин на плече...

– Заряженный? – спрашивает Сережа.

– Конечно, заряженный, – отвечает Никодим. – Ведь на

посту! Ну стою я, валенками притоптываю, чтобы не око-
леть. А погода как назло: ветер, снег лицо сечет. Ночь. Одна
лампочка у входа болтается.

Хожу я, значит, как положено, вдоль склада. У двери чуть
топчусь. А служить я только начинал еще. Устав хорошо
помнил. Если опасность – три раза предупредить, а потом и
огонь открывать можно. И вдруг гляжу – под колючую про-
волоку, которой склад обнесен, кто-то пролезть пытается. Я
притаился, не дышу, вглядываюсь. Так и есть. Кто-то в чер-
ной одежде перебирается. Уже на этой стороне. Ну, я кара-
бин с плеча, кричу, как положено: «Стой! Кто идет?» Не от-
вечает. Вроде притаился. Снова кричу, гляжу – полез. В тре-
тий раз окликаю – шевелится. Ну, я в воздух – шар-рах!

– Выстрелил? – ужасается Сережа.

– Выстрелил. Потом целюсь в нарушителя. Нажимаю
спуск. И вдруг грохот. Взрыв! Видно, попал не то что в ди-
версанта, а прямо в его мину. Или что там еще он волок.

– Ну? – нетерпеливо торопит Сережа.

– Ну прибежало начальство. Стали разбираться. Оказыва-
ется, у проволоки баллон оставили. Со сжатым газом. А снег
и ветер его в моих глазах шевелили. Оптический эффект.
Казалось мне, что он шевелится.

Сережа хохочет, мама не отстает.

– Не смейтесь, – говорит Никодим, – надо мной без вас
весь полк потешался. Кличку дали Бдительный.

Мама и Сережа покатываются над Никодимом. Над его

незадачливостью. Никодим и сам беззаботно смеется. Это хорошо, думает Сережа. Мама ему говорила, что если человек над собой посмеиваться не боится, значит, он над другими смеяться не станет. Такому человеку можно смело доверять.

Никодим все больше симпатичен Сереже.

– А на войне вы были? – спрашивает он Никодима.

– У Никодима Михайловича имя-отчество есть, – строго глядит на Сережу мама.

– Вот пустяки! – обижается Никодим. И говорит серьезно: – Ты это, Аня, брось! Как Сереже захочется, так пусть и зовет.

Сережа нажимает педали, мчится вперед.

Ветер бьет ему в глаза. Он жмурится. И злится на маму. Что она, не может одна это сказать? Без Никодима?

– Сережа! – кричит сзади мама. – Подожди!

Сережа не тормозит, но и не крутит больше педали. Велосипед замедляет ход. Мама и Никодим догоняют Сережу.

– На войне я не был, – говорит ему Никодим, – хотя прорваться туда хотел. Даже сделал попытку. Мне, когда война началась, десять лет было... Но я об этом потом расскажу. Сейчас у меня предложение есть. Давай вот этот отрезок – до леса – наперегонки пройдем. Кто кого.

Сережа, улыбаясь, кивает.

– Но вы же не на равных, – говорит мама.

– А мы устроим гандикап, – говорит Никодим. – То есть

уравняем силы с помощью форы. Сережа, отъезжай вперед, к тому кусту... Вот теперь на равных.

Мама слезает с велосипеда, снимает с головы косынку.

– Приготовились! – кричит она. – Внимание! Марш!

Сережа привстает с седла, всем весом наваливается на педали – даже цепь трещит – и мчится вперед, к невидимому финишу.

Он не оборачивается. На соревнованиях не глядят назад.

Сережа летит вперед, нависая над рулем.

Ветер звенит в ушах. Запах сладкого клевера врывается в ноздри.

Сережа мчится к лесу, косо освещенному падающим солнцем, и слышит шепот шин, взбивающих пыль...

Сережа бросает в огонь еловые ветки, смотрит, как они дымят вначале, как валит от них густой седой дым – испаряются соки из хвои, – потом ветка вспыхивает, и хвоинки изгибаются алой, раскаленной стружкой. Звонящее комарье, как только ветки начинают дымиться, исчезает. Но потом появляется вновь, въедливо кружится за спиной, в тени, и Сережа опять бросает ветки.

Он слушает, о чем говорят мама и Никодим, а сам не может оторваться от костра, от огня, вглядывается в трепещущие его языки, и пламя кажется ему живым: оно прихотливо меняется – то опадая, то взлетая, и показывает Сереже странные чудеса – то красную, в прожилках, скрюченную руку, то косматый, ощерившийся лик, то крылья птицы. И все это мгновенно: секунда – и крылья исчезли, вместо них – рыжая борода.

Сережа замер, он рад бы повернуться к маме и Никодиму, но глаза его словно привязаны, словно утонули в огне.

– Мне, когда война началась, – говорит Никодим негромко, – было десять лет, а в сорок третьем я решил уйти на фронт. Насушил немного сухарей, упер у матери две свечки – на всякий случай, спичек взял, чаю. Рассовал по карманам, чтоб без мешка ехать, – для конспирации, влез каким-то чудом в поезд, который на Москву шел. – Никодим выхватывает

вает из огня тлеющий сучок, протягивает маме, чтобы прикурила, сам он некурящий. – Ну а правил тогдашних, – продолжает, – не знал. Доехал до Владимира, там проверка пропусков – в Москву по пропускам только въехать можно. Ну, меня прихватили. В изолятор. Вместе с жульем всяким.

– А мы в войну, – перебивает его мама, – в деревню из города перебрались. К родственникам. В городе совсем с голодухи помирали. Летом еще ничего, летом крапиву собирали, щи из нее варили, а зимой совсем голодно. Отец без вести пропал, у матери специальность – домохозяйка. Устроилась на завод грузчицей, а там железо таскать надо, надселась, совсем уже подыхали, да хорошо, мать решилась. В деревне хоть тяжело, но все же еды хватало. Даже на тряпки потом меняли...

– Ну а вы-то, – спрашивает Сережа Никодима и осекается. Ждет, что мама снова ему внушение сделает. Но мама молчит, а Сережа поправляется: – Как там дальше с ворами было?

– Никак. Доставили меня назад, – отвечает Никодим. – В тюремном вагоне, с решетками. Потом в милицию передали. Мать прибежала, не разбираясь, хлесть, хлесть меня по щекам. Думала, я с ворами связался, что-нибудь украл... Потом разобралась. Еще сильнее дома побила.

Сережа смеется. Не отрывая взгляда от огня, говорит Никодиму:

– Что она у вас такая драчунья! – И добавляет: – А кто

она?

Спросил Сережа просто так, механически, без интереса, потому что смотрел загипнотизированно в пламя, разглядывал огненные фигуры, и вовсе не обратил внимания, что Никодим замолчал и ответил лишь спустя минуту:

– Да так... Женщина...

Потом они пили чай, сваренный в котелке. Сверху в кружках плавали кусочки сгоревших хвоинок, тонкие полоски пепла, и Сережа отдувал их к краю кружки, обжигался вкусной, ароматной жидкостью. Никогда в жизни не пил он такого вкусного чая!

Мама прилегла, голову Никодиму на колени примостила. Никодим ее волосы тихонечко гладит. Сережа на них поглядывает, улыбается. Он теперь не вздрагивает, когда Никодим прикасается к маме. Маме это нравится, тихая улыбка на ее лице бродит. Она о чем-то думает. Мечтает.

Никодим гладит маму по голове, играючи щекочет ей ухо травинкой. Мама, задумавшись, отряхивает с уха букашку, а она ее снова щекочет. Никодим подмигивает Сереже, он улыбается в ответ, мама ловит букашку, не догадывается, что ее разыгрывают. Они не выдерживают, оба фыркают.

Мама смеется, а Никодим начинает петь. Поет он нехорошо, неумело, сразу видно, что медведь ему на ухо наступил, но мама подхватывает песню, и получается уже стройнее. Никодим под маму подстраивается.

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына.

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Песня грустная, но Сереже вовсе не печально, ему хорошо, ему хочется прыгать, бежать куда-нибудь. Веселье его переполняет, и он подтягивает, вернее, выкрикивает смешливо:

Как бы мне, рябине!
К дубу! Перебраться!
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться!

Мама грозит ему пальцем, Сережа умолкает, но веселье так и распирает его. Хочется ему взрослых развеселить, сказать какую-нибудь шутку. Он вспоминает: когда они Пушкина проходили, Понтя весь класс смешил. Мама и Никодим кончают петь, и он им шутку повторяет:

Там царь Кашей по рынку бродит
И спекуляцию наводит.

Он банки тама продает
И по полтиннику дерет...

Шутка, конечно, не для семиклассника – он все же в седьмой перешел, но ему дуричь хочется, а взрослые его понимают: мама шутливо головой качает, Никодим улыбается. Сережа видит: они довольны, и вскакивает с земли. Кричит подикарски: ладонью к губам и быстро ею машет. Звук получается пронзительный, непривычный, и эхо подхватывает его.

– Ого-го! – кричит Сережа.

– Ого-го! – кричит мама.

– Ого-го! – кричит Никодим.

Эхо объединяет их крики, отвечает по очереди Сережиным, маминым, Никодимовым голосом:

– Ого-го-го!

Потом они спали. В стогу!

Никодим раскопал подножье стога, уложил туда маму и Сережу и присыпал их сверху. Комары сюда не добирались, но Сережа все равно долго не мог уснуть: сено бесконечно шуршало, тут шла какая-то своя жизнь, может быть, без букашек, без живых существ, но ведь жизнь может быть и у предметов неодушевленных. Жизнь могла быть и у скошенной травы, у этих миллионов и миллиардов пахучих, душно-приторных травинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.